

КРАПОВЫЕ БЕРЕТЫ

АЛЕКСЕЙ ЕВДОКИМОВ

на острие меча

КРАПОВЫЕ БЕРЕТЫ

ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

Алексей Евдокимов

На острие меча

«Автор»

2023

Евдокимов А.

На острие меча / А. Евдокимов — «Автор», 2023

Краповые береты... Это элита спецназа России! Роман «На острие меча» посвящен истории внутренних войск России и, основывается на реальных событиях, происходивших во время Великой Отечественной войны. События романа разворачиваются весной тысяча девятьсот сорок третьего года, одновременно в тылу советского Западного фронта и в, оккупированном фашистами, Минске. Советское командование делает все возможное, чтобы узнать о планах немецкого наступления под Курском. Для этого в Минск направляется сотрудница НКВД Анна Зегерс. Ей угрожает смертельная опасность, так как ее коллега лейтенант Зося Скавронская неожиданно попадает в плен к диверсантам «Абвера»... Продолжение романа «Они были первыми».

© Евдокимов А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая. Чрезвычайное происшествие	5
Москва. Лубянка. Здание НКВД	5
Калужская область. Сухиничи	7
Белоруссия. Урочище Шершуны	8
Калужская область. Сухиничи	9
Белоруссия. Минск	10
Москва. Лубянка. Здание НКВД	12
Белоруссия. Минск	13
Москва. Лубянка. Здание НКВД	14
Белоруссия. Минск	15
Белоруссия. Минск	17
Москва. Лубянка. Здание НКВД	19
Белоруссия. Минск	20
Калужская область. Сухиничи	21
Часть вторая. У последней черты	23
Белоруссия. Урочище Шершуны	23
Калужская область. Сухиничи	24
Белоруссия. Урочище Шершуны	26
Калужская область. Сухиничи	27
Белоруссия. Минск	28
Калужская область. Сухиничи	31
Белоруссия. Минск	32
Калужская область. Сухиничи	34
Белоруссия. Минск	36
Белоруссия. Минск	37
Калужская область. Сухиничи	39
Белоруссия. Минск	40
Белоруссия. Минск	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алексей Евдокимов

На острие меча

Часть первая. Чрезвычайное происшествие

Москва. Лубянка. Здание НКВД

Ранняя весна тысяча девятьсот сорок третьего года наступила внезапно. Ещё вчера улицы Москвы утопали в грязно-серых снежных сугробах, как вдруг, выглянувшее из-за туч, мартовское солнце залило их своим ярким светом и сугробы, словно гигантские куски мороженого, стали таять прямо на глазах. По улицам и переулкам потекли ручейки воды, унося с собой все тревоги и невзгоды второй военной зимы, которая, как и первая, принесла не только тысячи новых похоронок, но и судьбоносные военные победы.

Старший майор госбезопасности Судоплатов распахнул настежь окно в своем кабинете и долго стоял у окна, вдыхая свежий и пряный мартовский воздух. Вернувшись к письменному столу, он пододвинул к себе папки с документами и, раскрыв одну из них, начал ее внимательно читать. Стук в дверь оторвал его от этого занятия.

– Войдите! – крикнул Судоплатов.

Дверь приоткрылась и в её проёме показалась широкоплечая фигура майора Николаева. Сделав приглашающий жест рукой, Судоплатов указал ему на, настоящий перед столом, стул. Николаев вошёл в кабинет и, присев на стул, с возмущением сказал:

– Товарищ старший майор, я вынужден ещё раз обратиться к вам по поводу лейтенанта Сокольников. Вчера его опять задержал комендантский патруль в пьяном виде. Он устроил дебош и драку в ресторане «Арагви».

Судоплатов нахмурился, встал с кресла и начал в раздумье ходить по кабинету.

– И, что вы предлагаете, товарищ майор? – спросил он, останавливаясь рядом с Николаевым.

Тот быстро взглянул на Судоплатова и затем, опустив глаза, ответил:

– Отстранить его от операции и все дела... Такому человеку доверять нельзя.

Судоплатов поморщился. Затем сел в кресло и, найдя папку, на которой было написано «Сокольников В. В.» раскрыл её. Быстро пролистав хранящиеся в ней документы, он с укором взглянул на Николаева и затем сухо ответил:

– Я не вижу серьезных причин для отстранения лейтенанта Сокольников от операции.

Лицо майора Николаева вспыхнуло. Он вскочил со стула, но под взглядом Судоплатова опять медленно сел на него. Судоплатов вытащил из личного дела лейтенанта Сокольников анкету и положил её перед Николаевым.

– Вы, товарищ майор, его анкету читали? – спросил он.

– Читал, товарищ старший майор, – ответил Николаев.

– А графу «родители» читали? – снова спросил Судоплатов.

Майор Николаев понуро кивнул головой.

– Ну, как же вы тогда можете предлагать отстранить лейтенанта Сокольников от операции! – с возмущением воскликнул Судоплатов. – Его же отец вместе с маршалом Будённым в гражданскую беляков рубил. Отца лейтенанта Сокольников хорошо знает сам товарищ Сталин.

– Товарищ, старший майор! – ответил, вставая Николаев. – Я не ставлю под сомнение заслуги отца лейтенанта Сокольников, но в операции будет участвовать не он, а его сын. Мы

доверяем ему жизни других людей. Я должен быть уверен в том, что лейтенант Сокольников нас не подведёт. К сожалению, сейчас такой уверенности у меня нет.

– Я всё хорошо понимаю, Владимир Михайлович, – переходя с официального, на дружеский тон сказал Судоплатов. – Я тоже этих паркетных шаркунов не люблю, но сделать ничего не могу. Это приказ наркома Берии. Ему звонил маршал Буденный и просил за лейтенанта Сокольникова. Тот хочет принять участие в какой-нибудь серьёзной операции. В настоящее время он работает адъютантом у замнаркома внутренних дел Кобулова.

– Зачем ему тогда это? – с удивлением спросил Николаев. – О таком тёплом месте многие мечтают.

– Кобулов мне рассказывал... – понизив голос, сказал Судоплатов. – Сокольников хочет орден получить. У других говорит, их вон сколько, а адъютантам редко дают. Вот он и рвётся в бой.

Майор Николаев с мрачноватой усмешкой покачал головой.

– Ордена иногда приходится кровью оплачивать, – с горечью сказал он.

В кабинете Судоплатова надолго повисло молчание. Затем Судоплатов спросил:

– Когда его отправляете?

Взглянув на ручные часы, Николаев ответил:

– Сегодня в двадцать три ноль, ноль...

– Отправляйте! – приказал Николаеву Судоплатов.

Калужская область. Сухиничи

Небольшой областной городок Сухиничи на юге Калужской области весной тысяча девятьсот сорок третьего года находился в тылу Западного фронта. Сюда сходились все фронтовые дороги, через которые шло снабжение войск вооружением, горючим и продовольствием. В Сухиничах находился штаб фронта и все фронтовые тыловой службы.

Лейтенант госбезопасности Зося Скавронская приехала сюда, чтобы допросить, захваченного в плен полковника Люфтваффе. Его истребитель был сбит в воздушном бою над Сухиничами. Лётчик выпрыгнул с парашютом и сдался в плен. На допросе он показал, что до войны работал в штабе Люфтваффе в Берлине вместе с обер-лейтенантом Шульце Бойзеном, который был одним из руководителей подпольной организации «Красная капелла» и судьба которого до сих пор была неизвестна наркомату внутренних дел.

Скавронская получила это задание от своего командира – майора Николаева. Она уже полгода, после возвращения из Минска, служила у него в отделе и выполняла у майора обязанности секретаря: печатала на машинке документы, стенографировала допросы пленных и рылась в архивных материалах. На все рапорты об использовании ее на оперативной работе, она получала стандартный ответ, что ее провал повлечёт за собой и немедленный провал майора Ганса Бауэра, за вербовку которого было отдано слишком много жизней. Проходя мимо мемориальной доски, установленной в фойе наркомата, Зося часто останавливалась и читала на ней имена – Марии Ольховской, Николая Сандлера, Мари Осиповой и других людей, которые погибли, чтобы Зося смогла доставить в Москву пакет с документами, полученными от Бауэра. В душе Зося была согласна с этим, но обида за то, что она так рано покинула передовые ряды борцов с фашизмом не давала ей покоя.

Поездка в прифронтовой город, а линия фронта проходила от Сухиничей всего в ста километрах, немного взбодрила её. Она три часа просидела в разведотделе фронта, беседуя с полковником Люфтваффе и когда, наконец, поняла, что о судьбе обер-лейтенанта Шульце Бойзена, тот не имел никакого понятия, наступил вечер. Полковник, начальник отдела предложил ей остаться и переночевать, намекая на щедрый ужин и хорошую компанию. Но Зося, сославшись на срочные дела, поехала обратно в Москву. Теперь она сидела на заднем сидении «Эмки» и просматривала сделанные ею записи. Внезапно машина вздрогнула, словно наткнувшись на какое-то препятствие. Затем остановилась и юзом скатилась в кювет. Зося ударилась головой о стекло и потеряла сознание.

Белоруссия. Урочище Шершуны

Темная мартовская ночь была на исходе. Над зубчатой стеной леса стали проглядывать первые, ещё робкие солнечные лучи. Звездное небо начало сереть. На кромках облаков появились розоватые блики, и ночная темнота, окутавшая густой еловый лес стала растворяться в, стелющемся по земле, утреннем тумане. Вдруг, царящую в лесной глуши тишину, нарушил еле слышный рокот самолётных двигателей. Рокот всё нарастал, и вскоре на горизонте появилась чёрная точка. Спустя минуту она превратилась в серебристый крестик. Он описал в небе широкую дугу. Затем от него отделился какой-то предмет. Вспыхнул белый купол парашюта, а предмет стал быстро превращаться в фигуру человека.

Парашютист упал в глубокий снег на большой лесной поляне. Купол парашюта понёс его к деревьям, но парашютист сумел загасить купол и, встав на ноги и взвалив себе на плечо парашют, с трудом, проваливаясь по колено в глубокий рыхлый снег, пошёл к лесной опушке. Когда до деревьев осталось всего несколько метров, ему навстречу вышли три человека, одетые в полушубки и шапки ушанки. На груди у них висели автоматы «ППШ». Увидев на шапке одного из них, красную ленточку, парашютист с облегчением сказал:

– Слава Богу, свои...

– Свои говоришь! – зло ответил ему один из автоматчиков и с размаху ударил парашютиста прикладом автомата по лицу. – А ну-ка, вежи его, ребята! – приказал он.

Калужская область. Сухиничи

Зося очнулась от того, что кто-то лил ей на лицо воду. Вода попала в нос. Зося закашлялась и открыла глаза. Кругом стояла колющая глаз темнота. Зося различила вокруг себя силуэты людей и, к ее удивлению, они говорили по-немецки. Зося машинально нащупал на боку свою полевую сумку. Её не было.

– Господин обер-лейтенант, она очнулась, – послышался из темноты голос.

– Отлично! – ответил ему второй. – Поднимите её...

Зосю подняли с земли и поставили на ноги. Вначале её повело в сторону, но затем она всё же смогла удержать равновесие. Её голова нестерпимо болела, её подташнивало, но стоять и ходить она всё же могла. К ней приблизилась из темноты фигура человека и на плохом русском языке спросила:

– Вы можете идти, лейтенант?

Зося поспешно ответила:

– Да, могу...

Она прекрасно понимала, что с ней сделают немецкие диверсанты, а то, что это были именно они, Зося уже не сомневалась, если на этот вопрос она ответит отказом.

– Тогда, идите за нами, – приказал ей тот же голос. – Впереди у нас большой переход.

Зосю окружили с двух сторон две двухметровые фигуры и, как в тисках, повели за собой. Из-за темноты она не видела сколько всего было диверсантов. Судя по голосам их, было не более дюжины. Зосю долго вели по лесу. Она старалась, чтобы ветки деревьев не так сильно хлестали её. Затем диверсанты почти бегом пересекли большое ржаное поле, на котором уже начали всходить озимые, и, наконец, когда на востоке занялся восход, они очутились в заросшей папоротником, берёзовой роще. Едва диверсанты в ней скрылись, как ночная темнота куда-то исчезла и всё вокруг озарил яркий солнечный свет.

Наконец-то Зося смогла рассмотреть своих похитителей. Как она и предполагала их было двенадцать. Ими командовал офицер, с испещрённым шрамами лицом. Своей фигурой он напоминал борца профессионалам. Зося обратила внимание на радиста группы – совсем юного веснушчатого юношу лет двадцати. В группе был снайпер, вооружённый винтовкой с оптическим прицелом и несколько подрывников, которых Зося определила по, висевшим у них за спиной, тяжёлым ранцам. Диверсанты уселись на, ещё не оттаявшую землю, и усадили Зосю рядом с собой. Обер-лейтенант спросил ее:

– Где вы служите, фрау лейтенант?

– Вы же отобрали у меня документы, – хмуро ответила Зося.

– Где вы служите, фрау лейтенант? – чуть повысив голос, повторил свой вопрос обер-лейтенант.

Зося посмотрела на его лицо и поняла, что будет лучше ему ответить.

– В НКВД... – тихим голосом ответила она.

Обер-лейтенант поморщился.

– Служащих вашего ведомства мы убиваем, – сказал он злым голосом. – Я хотел вас допросить и затем ликвидировать... – обер-лейтенант сделал паузу и со значением посмотрел на Зосю. От его взгляда по спине Зоси пошли мурашки. – Но я передал ваши данные своему командованию, и они приказали доставить вас живой. Вы их почему-то, сильно интересуете...

Зося ощутила холод в груди. Она вдруг поняла, почему ею так заинтересовались командиры обер-лейтенанта. Она лихорадочно пыталась понять, что ей теперь делать. Попасть за линию фронта она не могла ни при каких обстоятельствах.

Белоруссия. Минск

Телефонный звонок поднял оберфюрера Лемке с постели. Он долго искал в темноте трубку телефона и, наконец, найдя ее и услышав в ней взволнованный голос шарфюрера Кригера:

– Извините, господину оберфюрер, что беспокою вас... Но я счел необходимым вам доложить.

– Что случилось? – спросил Лемке, сонно глядя на часы. Было шесть часов утра. – Говорите яснее, Кригер! – недовольно буркнул он.

Кригер быстро заговорил.

– Роттенфюрер Зальцман из четвёртого штутцпункта полчаса назад доставил к нам русского парашютиста. Его поймали люди этого Шестуна. Он свалился им прямо на голову...

– Ну так займитесь им, шарфюрер. – зевая приказал Лемке. – Стоило меня будить из-за этого в такую рань.

– Я так и сделал, господин оберфюрер, – ответил Кригер – Парашютист быстро раскололся и готов дать показания.

Брови на лице Лемке удивлённо приподнялись.

– Я сейчас буду... – коротко бросил он в трубку.

Спустя полчаса оберфюрер Лемке вошёл в свой кабинет и увидел в нём шарфюрера Кригера и, сидящего на стуле, раздетого до пояса человека, который прижимал к груди левую руку и тихо постанывал.

– Докладывайте, шарфюрер! – приказал Лемке.

Шарфюрер вытянулся и, вскинув в верх правую руку, доложил:

– Господин оберфюрер, арестованный парашютист готов дать показания!

– Что, вы с ним сделали? – спросил Лемке, глядя на, перекошенное страхом и болью, лицо, сидящего на стуле, человека.

Кригер пожал плечами.

– Да, почти ничего, – с недоумением ответил он – Дал несколько тумаков и вырвал один ноготь. Этот тип расплакался и сказал, что будет отвечать на вопросы...

Лемке удивлённо покачал головой.

– Странно... – произнес он, продолжая рассматривать сидящего на стуле человека. – Очень странно... – повторил он. – Обычно русские предпочитают смерть предательству.

Лемке закурил сигарету и по телефону вызвал к себе переводчицу и стенографистку. В кабинет вошли две женщины в эсесовской форме. Одна из них встала рядом с Лемке, а другая села на стул и положила себе на колени раскрытый блокнот.

– Спросите его, – приказал Лемке переводчице – Пусть назовёт своё имя и расскажет с каким заданием был к нам заброшен?

Услышав слова переводчицы, человек на стуле, поднял на оберфюрера затравленные, бегающие глаза и чуть слышно ответил:

– Я лейтенант Сокольников. Я должен был поселиться в Минске под именем Ивана Михальчука и дальше ждать связного. Больше я ничего не знаю...

Оберфюрер Лемке скептически усмехнулся.

– Вы находитесь в Гестапо, господин Сокольников... – сказал он со значением. – У нас здесь очень строгие порядки. Если я начну сомневаться в правдивости ваших слов, то шарфюрер отправится с вами в подвал и поверьте мне то, что вы там ранее испытali, покажется вам невинной детской шуткой.

Лейтенант Сокольников бросил испуганный взгляд на шарфюрера Кригера и затем чуть помедлив ответил:

– На моей квартире должны проходить встречи с каким-то офицером из штаба группы армий «Центр».

Лемке и Кригер быстро переглянулись.

– А вы знаете этого офицера? – спросил Сокольников Лемке. – Подумайте хорошенько, господин Сокольников. От ответа на этот вопрос будет зависеть ваша жизнь.

Сокольников поднял на Лемке умоляющие глаза.

– Я не знаю кто он такой. Поверьте, мне... – упавшим голосом ответил он.

Лемке долгим немигающим взглядом посмотрел в лицо Сокольникову. Затем он встал и начал в раздумье ходить по кабинету.

– У меня к вам будет ещё один вопрос, – сказал Лемке, останавливаясь рядом со стулом, на котором сидел Сокольников. – Как вы должны были сообщить вашим командирам о том, что прибыли в Минск? Раз у вас с собой нет радиостанции, значит вы должны были с кем-то встретиться?

Сокольников поднял на Лемке растерянные глаза.

– Отвечайте, господин Сокольников! – с угрозой в голосе приказал Лемке.

Сокольников опустил голову и, чуть слышно, пробормотал:

– Я должен был ждать связного...

Лемке кивнул шарфюреру Кригеру. Тот подошёл к Сокольникову и вдруг изо всей силы ударил его по лицу. Сокольников упал со стула на пол. Кригер ногами в сапогах стал избивать его. Сокольников корчился на полу, истошно крича. Наконец, он простонал:

– Не бейте меня, я всё скажу...

Кригер поднял Сокольникову с пола и подвёл к оберфюреру.

– Ну, господин Сокольников, – спросил его Лемке. – Я жду...

Сокольников стер с разбитых губ кровь и хриплым голосом ответил:

– В Минске на Вилейской улице есть магазин, в котором продают одежду и обувь. Там есть обувной ларёк Анджея Скавронского. Я должен был передать ему сообщение о том, что поселился в городе и назвать ему свой адрес.

– А как этот Скавронский вас узнает? – металлическим голосом спросил Сокольников Лемке. – Отвечайте!

Глаза Сокольникову забегали из стороны в сторону. Лемке снова кивнул шарфюреру Кригеру. Тот нашёл на руке Сокольникову палец, на котором был вырван ноготь и силой сдвинул его. Лицо Сокольникову побелело. Он завыл от боли.

– Я должен был ему назвать себя и передать привет от сестры Зоси... – с трудом выговорил он.

– Ну что ж, очень хорошо, господин Сокольников, – сказал Лемке глядя на трясущегося мелкой дрожью Сокольникову. – Сейчас вас отведут в камеру. На сегодня мы допрос закончим. У вас был трудный день. Вам надо отдохнуть. А завтра мы продолжим нашу с вами беседу...

Москва. Лубянка. Здание НКВД

Сообщение об исчезновении лейтенанта Скавронской пришло в наркомат внутренних дел только утром. На дороге была обнаружена «Эмка» с убитым водителем. Лейтенанта Скавронской нигде не было. На ноги были подняты подразделения войск НКВД, расположенные в районе Сухиничей. Были прочёсаны все леса вокруг места происшествия, но найти Скавронскую или хотя бы её тело не удалось. О случившемся тут же было доложено наркому Берии. Тот срочно вызвал к себе старшего майора Судоплатова и майора Николаева.

– Как, это могло случиться? – грозно поблескивая стёклам пенсне, спросил он.

Старший майор Судоплатов виновато опустил голову.

– Извините, товарищ нарком, не доглядели... – ответил он.

– Что значит не доглядели! – разозлился Берия. – Вы представляете, что произойдёт если Скавронская окажется у немцев! Мы лишимся нашего лучшего агента.

Судоплатов и Николаев понуро молчали.

– Что она делала в этих Сухиничах? – строго спросил Берия. – Это, прифронтовая полоса. Её и близко там не должно было быть.

– Разрешите, товарищ нарком? – сказал майор Николаев и встал со стула. – Это, моя вина. Я её туда послал. Она сейчас работает с архивом. Пытается выяснить судьбу «Красной капеллы» – сети наших нелегалов в Германии. Из разведотдела Западного фронта сообщили, что к ним попал лётчик, который работал когда-то вместе с обер-лейтенантом Шульце Бойзенном. Скавронская захотела с ним поговорить и я, к сожалению, разрешил ей эту поездку.

Берия окинул майора Николаева гневным взглядом. Затем сказал:

– Пока я объявляю вам строгий выговор, товарищ Николаев. Но если по какой-либо причине лейтенант Скавронская окажется у немцев, то вы пойдёте под суд Военного трибунала. Садитесь!

– Слушаюсь, – ответил Николаев, садясь на стул.

Берия снял трубку телефона и попросил соединить его с командующим войсками НКВД генерал-лейтенантом Аполлоновым. Когда в трубке раздался его голос, Берия сказал:

– Добрый день, Аркадий Николаевичу, у нас чрезвычайное происшествие. Немецкие диверсанты захватили в плен в районе Сухиничей нашего сотрудника – лейтенанта Скавронскую. Если она попадёт на ту сторону фронта, то будет разоблачён наш самый ценный агент в штабе группы армий «Центр». Этого нельзя допустить ни в коем случае.

Выслушав ответа Аполлонова, Берия удовлетворённо кивнул.

– Я вас понял. Посылаю в Сухиничи своего сотрудника – майора Николаева. Он будет осуществлять связь с вами. Всё, желаю успеха!

Берия положил трубку и, повернувшись к майору Николаеву, сказал:

– Генерал-лейтенант Аполлонов посылает в район Сухиничей лучше поисковые подразделения и в дополнение к уже имеющейся, развёртывает там ещё одну дивизию войск НКВД. Руководить операцией будет заместителя Аполлонова генерал-майор Сивцов. Вы Николаев, как командир лейтенанта Скавронской, направляйтесь в Сухиничи и поступаете в распоряжение генерал-майора Сивцова. Выполняйте!

Белоруссия. Минск

Ранним апрельским утром Анджей Скавронский шёл по улице Минска. Весеннее солнце словно метла быстро счищало с тротуара остатки тающего снега. На деревьях начали набухать почки. Тёплый ветер разносил аромат первых весенних цветов. Анжей подставил солнцу свое лицо и ему казалось, что войны нет, а наступил долгожданный мир и теперь можно спокойно ходить по улицам, не опасаясь облав и обысков, и впереди всех ждут только счастье и благополучие. Анжей вздохнул и, словно сбрасывая с себя наваждение, покрутил головой. Он зашёл в магазин, где находилась его мастерская и, сев за стойку, принялся за работу. Со вчерашнего дня у него остались незаконченными два заказа очень важных клиентов. Денщик полковника из военной комендатуры принёс Анжею его сапоги и приказал, как можно быстрее, прибить к ним новые каблуки. Затем, жена чиновника из гебитскомиссариата принесла туфли и строго наказала закончить их ремонт не позднее завтрашнего утра, так как она собиралась пойти в них на какое-то торжественное мероприятие.

Анджей споро прошивал дратвой сапоги полковника, когда около его ларька остановился какой-то человек. Он долго рассматривал лежащую на витрине обувь и затем спросил:

– Вы, пан Анджей Скавронский?

Анжей, не поднимай головы, согласно кивнул.

– Я, Иван Михальчук... – приглушив голос, сказал человек.

Анджей вздрогнул и поднял глаза. Он увидел перед собой, одетого в старое пальто и поношенную кепку, мужчину. Его лицо чем-то напоминало морду борзой собаки. Мужчина снял кепку, пригладил черные прилизанные волосы и, улыбнувшись уголками губ, произнес:

– Вам привет от вашей сестры Зоси...

– А вы её видели? – спросил мужчину Анджей, пристально глядя ему в лицо.

Глаза мужчины забегали из стороны в сторону. Чуть помедлив, он ответил:

– Да, видел...

– Где вы живёте? – спросил его Анджей.

– Февральская улица, дом четыре, квартира семь, – ответил мужчина и затем, не попрощавшись, повернулся и быстро пошёл к выходу из магазина.

Анджей проводил его глазами до дверей и вновь принялся за работу.

Вернувшись поздно ночью домой, он жил в небольшом частном домике на окраине Минска, Анджей прислушался спят ли соседи и, разобрав доски пола, вытащил из тайника рацию. Он раскрыл шифр-блокнот и быстро написал в нём несколько колонок трёхзначных цифр. Прицепив антенну к крючку, вбитому в потолок, Анджей надел наушники и включил рацию. В его уши ударил громкий писк морзянки. Казалось, что десятки кузнечиков одновременно начали свою трескучую переключку. Анджей настроился на волну Москвы и, услышав ее позывные, быстро передал шифровку. Затем он спрятал рацию в тайник и, расстелив постель, устало лёг на неё, погружаясь в тяжёлый, похожий на полузабытьё, сон.

Москва. Лубянка. Здание НКВД

Когда майор Николаев вышел из кабинета, Берия снял пенсне и, посмотрев на старшего майора Судоплатова, спросил его:

– Что будем делать?.. Мне сегодня звонил Васильевский и спрашивал, можем ли мы достать документы аналогичные тем, что мы передали в Генштаб в августе прошлого года? По информации Генштаба в районе Курской дуги немецкое командование готовит крупное наступление. Северный фас Курского выступа занимает группа армий «Центр». Я думаю, что майор Бауэр, наверняка, в курсе планов командующего группой армий.

– Он уже подполковник, товарищ нарком, – поправил Судоплатов Берия. – Несколько дней назад на Калининском фронте захватили диверсантов, которых готовило «Абверштелле – Восток» и они рассказали, что ему недавно присвоили звание подполковника и наградили Железным крестом.

– Как бы не загордился наш подполковник! – с усмешкой сказал Берия.

Затем его лицо стало серьёзным, и он спросил Судоплатова:

– Кого планируешь направить на связь с Бауэром? К нему нужен особый подход...

Судоплатов положил перед Берией личное дело, которое он захватил с собой. Тот раскрыл его и удивленно спросил:

– Так ты хочешь немку отправить?

Судоплатов утвердительно кивнул.

– Анну Марию Зегерс... Урожденную Шефер...

– Думаешь, что она скорее с Бауэром договорится? – спросил Берия, листая дело.

– Я направляю ее, товарищ нарком, с дальним прицелом, – пояснял Судоплатов. – Арестованные диверсанты на допросе показали, что подполковника Бауэра хотят перевести в штаб-квартиру «Абвера» в Берлин. Он недавно развёлся с женой. Та от него к какому-то гестаповцу ушла. Мало ли что... Вдруг Бауэр и Зегерс сойдутся, и она поедет вместе с ним в Берлин.

– М-да... – задумчиво протянул Берия. – Заманчивая перспектива вырисовывается. А через кого материалы Бауэра будут переданы сюда? – спросил он.

Судоплатов вытащил из папки и положил перед Берией бланк шифровки.

– Сегодня получили от Анджея Скавронского, – сказала он – Лейтенант Сокольников благополучно добрался до Минска и живёт по адресу: Февральская улица, дом четыре, квартира семь. Если Зегерс останется с Бауэром, то материалы привезёт Сокольников. Если нет, тогда они вернуться вместе. Я Сокольникова для этого в Минск и послал. Съездит туда-сюда. Поживёт там два месяца. Делов-то... Зато орден в кармане!

– Да... вроде всё сходится... – просмотрев шифровку, сказал Берия и, взяв авторучку, написал на ней:

«Поездку Анны Зегерс разрешаю...»

Белоруссия. Минск

С момента его встречи с Иваном Михальчуком прошло три дня. Анджей продолжал трудиться в мастерской, но на его душе было беспокойно. Он никак не мог забыть бегающие глаза Михальчука. Что-то недоброе таилось в них. Анджей взглянул на часы. Сегодня ровно в полдень к нему должна была прийти Олеся Кебич. За те полгода, которые Анжеей прожил в Минска, они встречались уже несколько раз. Олеся оставляла у него обувь своей хозяйки фрау Кубе и заодно текст сообщения. Анджеей шифровал его и передавал в Москву.

Увидев, что большая стрелка часов почти остановилась на цифре двенадцать, Анжеей положил на верстак старый стоптанный ботинок, к которому он пришивал новую подошву и осмотрелся вокруг. Вдруг его глаза встретились с глазами мужчины, который стоял у киоска, в котором торговали бижутерией. Он был одет в серый плащ и такого же цвета велюровую шляпу. Анджеей показалось, что он уже видел его. Он напряг память и вдруг вспомнил, что этот же мужчина стоял на улице, когда он сегодня утром выходил из дома. Руки Анджеей похолодели. Он посмотрел по сторонам и увидел, что ещё несколько мужчин в таких же серых плащах и шляпах находятся в магазине. Анджеей, наконец, понял, что таилось в глубине глаз Ивана Михальчука...

Стрелка на часах неумолимо приближалась к цифре двенадцать. Анджеей увидел, входящую в магазин Олеся Кебич. Чтобы принять единственно верное решение, Анджеей потребовалось всего несколько секунд. Он встал со стула и, вдруг перепрыгнув через стойку, побежал по коридору к окну, выходящему на улицу. Одетые в серые плащи мужчины бросились ему наперерез. Анджеей увернулся от них и всем телом бросился в окно. Послышался звон разбитого стекла. Анджеей упал на мостовую, поднялся на ноги, но тут же снова упал, сбитый на землю ударом кулака. Двое мужчин в серых плащах подняли его, завели руки за спину и надели на них наручники. Рядом остановилась легковая машина. Мужчины посадили в нее Анджеей и машина, включив сирену помчалась по улицам Минска.

Анджеей очнулся в какой-то комнате. Он поднял голову. Прямо в лицо ему светила сильная электрическая лампа. Он сидел на табурете за деревянным столом. Его руки были скованы наручниками, прикреплёнными к столу, и он не мог ими даже пошевелить. Напротив него сидел мужчина, которого он видел в магазине. Теперь на нём была эсэсовская форма. «Кажется шарфюрер» – решил Анджеей, вспомнив чему его учили в разведывательно-диверсионной школе НКВД. Вдруг взгляд Анджеей упал на, стоящую в углу комнаты радиостанцию. Он понял, что отпираться бессмысленно. Ему конец. Единственное, что он теперь может сделать, это не выдать тех людей, которые были с ним связаны.

Сидящий напротив Анджеей, шарфюрер надел на руки кожаные перчатки и положил на стол рядом с руками Анджеей: щипцы, скальпель и несколько длинных хирургических игл.

– Пан Скавронский, – сказал он по-немецки. – Я не буду задавать вам лишние вопросы. Вы сами всё прекрасно понимаете, – шарфюрер кивнул на, стоящую в углу комнаты, радиостанцию. – Либо вы согласитесь отвечать на вопросы, либо... – шарфюрер взял в руки щипцы и поднес их к лицу Анджеей. – Я заставляю вас это сделать. Решайте!

Анджеей посмотрел на щипцы, затем тихим, но твёрдым голосом ответил тоже на немецком языке:

– Я всё уже давно решил...

Шарфюрер понял брови и криво усмехнулся.

– Я вас понял, пан Скавронский, – сказал он, сжимая один из пальцев левой руки Анджеей щипцами. – Как бы вам не пришлось потом пожалеть о вашем решении...

Шарфюрер с силой сжал рукоятки щипцов. Раздался хруст ломающихся костей. По щипцам потекли тонкие струйки крови. Лицо Анджеей побелело. От нестерпимой, с ума сводящей

боли он на секунду потерял сознание. Затем его лицо исказилось судорогой. Он громко застонал, но тут же умолк, закусив до крови нижнюю губу. На его лбу выступила холодная испарина. Не спуская глаз его лица, шарфюрер зажал щипцами следующей палец. Снова раздался хруст костей. Перед глазами Анджея встала тёмная пелена и он, потеряв сознание, бессильно свесил голову на грудь.

Белоруссия. Минск

– Поздравляю вас, господин Сокольников, с боевым крещением! – дружески улыбаясь, сказал оберфюрер Лемке, сидящему перед ним на стуле лейтенанту Сокольникову, рядом с которым стояла переводчица. – Вы отлично выполнили задание. Этим Скавронским занялся шарфюрер Кригер и я уверен, что скоро тот начнёт давать показания.

Лейтенант Сокольников с подобострастным выражением лица слушал оберфюрера. Тот продолжил.

– Теперь о том, что вы должны делать дальше... – Лемке сделал паузу, размышляя о чём-то и затем продолжил свою речь. – После вашей встречи со Скавронским мы запеленговали работу радиостанции в том районе, где он жил. А это означает, что Скавронский передал в Москву информацию, которую вы ему сообщили и теперь вам следует ожидать вашего, так сказать бывшего коллегу из НКВД...

При этих словах, лейтенант Сокольников кисло улыбнулся. Увидев его улыбку, оберфюрер Лемке, погрозил ему пальцем.

– Запомните Сокольников, – сказал он строгим голосом. – После ареста Скавронского вам нет пути назад. Предательство НКВД никому не прощает и вас не спасёт даже ваш высокопоставленный родитель. Теперь вы наш с потрохами. Вернуться в Москву вы сможете только с нашей помощью. Я звонил сегодня шефу разведки СД бригадефюреру Шелленбергу. Он считает, что после того, как мы закончим операцию в Минске, вы сможете вернуться в Москву. Он поможет вам оправдаться перед вашим начальством. Ну а теперь идите...

Сокольников встал со стула и, держа в руках кепку, стал пятиться к двери.

– Идите, идите... – нетерпеливым голосом приказал ему Лемке.

Когда за Сокольниковым и переводчицей закрылась дверь, Лемке снял трубку телефон и попросил соединить его с шарфюрером Кригером.

– Ну как там у вас дела, Кригер? – спросил он. – Что? Скавронский продолжает молчать... Очень жаль, – на лице Лемке появилась кислая мина. – Я был уверен, что вы его разговорите. Он не производит впечатление сильного человека. А сейчас Кригер сделайте следующее... – голос Лемке стал строгим и требовательным. – Приведите Скавронского в порядок. Вколите ему побольше морфия. Я хочу показать его Олесе Кебич. Я вызвал её к себе. Думаю, что мы рано закрыли дело с грифом «Мария Ольховская». Помните, как звали её компаньонку? Правильно... Эта же фамилия у Анджея и ему просили передать привет от его сестры Зоси. Я уверен, что это не простое совпадение. Я попросил наших людей составить список постоянных клиентов этого сапожника, и фамилия Кебич в нём тоже фигурирует.

В дверь кабинета Лемке кто-то постучал.

– А вот и Кебич! – со смешком сказал Лемке. – Приведите Кригер Скавронского в мой кабинет через пять минут.

Положив трубку телефона, Лемке крикнул:

– Входите!

Дверь открылась и в кабинет вошла Олеся Кебич. Она была одета в элегантный серый костюм и туфли на высоких каблуках. Ее руки облегали мягкие кожаные перчатки. Золотистые волосы девушки прядями спадали ей на плечи. Лемке привстал с кресла и сделал Олеся приглашающий жест рукой.

– Проходите, фройлян Кебич! – изобразив на лице радушие, сказал он. – Садитесь на стул. Вот что значит весна! Вы хорошеете с каждым днём!

– Добрый день, господин оберфюрер! – поздоровалась с Лемке Олеся и одарила его приветливой улыбкой.

Она подошла к стулу и села на него, закинув ногу на ногу.

– Вы меня вызывали? – спросила она Лемке.

Тот сел в кресло и, открыв сейф, вытащил оттуда папу с документами. Затем он обратился к девушке:

– Фройлян Кебич, мы арестовали очень опасного преступника. Я хочу, чтобы вы его опознали...

– Кто?.. Я?.. – удивлённо спросил Олеся, изобразив на лице растерянность.

– Да, именно вы, – ответил Лемке, прищулив глаза. – Возможно вы его где-то видели...

– Ну хорошо, я согласна... – пожав плечами, ответила Олеся

Дверь кабинета распахнулась и в него вошёл шарфюрер Кригер, таща за собой Анджея Скавронского. Тот шёл, шатая из стороны в сторону, с трудом переставляя ноги. Руки Анджея, замотанные окровавленными бинтами, бессильно свесились вниз. Увидев его, Олеся непроизвольно вскрикнула и закрыла рот рукой в перчатке. Кригер поставил шатающегося Анджея рядом со стулом, на котором сидела Олеся, и обеими руками стал придерживать его за плечи. Олеся безмолвно смотрела на него.

– Вы знаете этого человека? – спросил Олеся Лемке.

Та, продолжая молчать, кивнула головой.

– И кто это? – снова спросил Лемке, впиваясь глазами в лицо девушки.

Это, с-сапожник... – заикающийся голосом ответила Олеся. – Я у него чинила обувь фрау Маргариты Кубе.

– Ну, а вы, господин Скавронский? – обратился Лемке к Анджею.

Тот с трудом разлепил опухшие кровоточащие губы и с презрением ответил:

Это, шлюха гауляйтера... Я ей в обувь гвозди всегда подкладывал.

– Ах ты мразь! – Олеся вскочила со стула и с размаху влепила Анджею звонкую пощечину.

Ее лицо до этого бледное и растерянное вдруг стало красным и злым. Лемке внимательно следил за этой сценой. Некоторое время он размышлял. Затем по его губам скользнула еле заметная усмешка. Он дал Кригеру знак, чтобы тот вывел Скавронского. Когда за ними закрылась дверь, он сказал:

– Благодарю вас, фройлян Кебич! Вы нам очень помогли.

– Я могу идти? – спросил его Олеся, вытирая платком покрасневшие от слёз глаза.

– Да, можете... – ответил ей Лемке.

Когда Олеся пошла к двери, Лемке проводила её долгим задумчивым взглядом.

Москва. Лубянка. Здание НКВД

Анне Зегерс шёл двадцать пятый год. Это была высокая стройная девушка с венчиком коротко подстриженных золотистых волос. Она, как бы олицетворяла собой идеал женщин Третьего рейха. В ней с избытком имелось всё то, что так ценили его вожди – Адольф Гитлер и Йозеф Геббельс. Живя в Германии, Анна вполне могла бы сделать успешную карьеру театральной актрисы или фотомодели. Несмотря на свою внешность и цвет волос, Анна обладала цепким аналитическим умом, сильным характером и выдержкой. В отличие от своих сверстниц на долю Анны выпало немало испытаний и жизненных невзгод. Её отец Альфред Зегерс, видный член Коммунистической Партии Германии, после прихода нацистов к власти эмигрировать в Советский Союз. Анна выросла и повзрослела в этой стране и по праву считала её своей второй Родиной. Она искренне верила в её идеалы и ненавидела фашизм и для этого у неё были веские причины. Ее мать была замучена нацистами в концлагере Равенсбрюк.

Незадолго до войны Анной Зегерс заинтересовалось НКВД. Она окончила специальную школу и ей было присвоено звание – сержант госбезопасности. За прошедшее с тех пор время, Анна выполнила уже несколько сложных заданий и два раза побывала за линией фронта. Её наградили орденом Красной Звезды. Теперь ей предстояло выполнить новое задание.

Тёплым апрельским днём Анна Зегерс сидела в кабинете начальника четвёртого управления НКВД старшего майора Судоплатова и внимательно слушала то, что он ей говорил.

– Твоё основное задание, Анна, – говорил Судоплатов, глядя в глаза девушки. – Возобновить контакт с подполковником Бауэром и получить у него информацию о подготовке нового немецкого наступления под Курском. Генеральный штаб интересуется: дата начала наступления, направления ударов немецких войск, их численность и вооружение. Все остальные дела можно пока отложить. Понравишься ты Бауэру или нет, сейчас не так важно. Еще раз повторяю, главное это та информация, которой он располагает.

Анна Зегерс с пониманием кивнула головой.

– В Минске ты будешь работать с двумя людьми, – Судоплатов положил перед Анной папку с документами. Это Иван Михальчук и Анджей Скавронский... Где они живут и как с ними связаться указано в этой папке. Внимательно изучи её... – Судоплатов сделал паузу и затем продолжил. – Я на всякий случай дам тебе адрес еще одного нашего человека в Минске, но воспользоваться им ты можешь только в крайнем случае. Дело в том, что Скавронский несколько дней назад должен был нам передать сообщение от него, но он почему-то этого не сделал. В Минск ты пойдёшь тем же маршрутом, что и Михальчук. Тебя сбросят на парашюте в урочище Шершуны. Дальше ты сядешь на станции Весняки в поезд и через два часа будешь в городе. – Судоплатов снова надолго замолчал, видимо решая, говорить ему или нет, но потом, решившись, сказал. – У майора Николаев есть сомнения относительно Ивана Михальчука. Несмотря на его анкету. Я с ним согласен. Непонятно, как он себя поведёт в критической ситуации. Поэтому, приехав в Минск, вначале проверь, всё ли там в порядке...

Белоруссия. Минск

Анджей очнулся в камере. Он лежал на цементном полу. Рядом с ним сидел на корточках ещё какой-то человек. Он мокрой тряпкой стирал с лица Анджея кровь. Анджей удивился, что он не чувствует боли. Видимо, ему опять вкололи наркотик. Шарфюрер, который его допрашивал, всегда так делал. Доводил почти до смерти и затем, сделав укол, опять возвращал его с того света. Мучения Анджея становились всё нестерпимее. Он чувствовал, что находится на грани своих человеческих сил. Несколько раз он был на волосок от того, чтобы стать предателем и, только потеря сознания, спасала его от этого. Он понимал, что может не выдержать и только смерть может спасти его. Поэтому, он желал и ждал смерти. Смерть была его избавлением от мучений. Перед глазами Анджея вдруг стали проноситься картины из его прошлого. Он стал как бы проваливаться в другой мир, где не было войны и смерти, где все люди любили друг друга. Вдруг Анджей почувствовал, как его сердце начинает биться все реже и реже и он, как ни странно, обрадовался этому, так как это сулило ему избавление от мучений и предательства.

Калужская область. Сухиничи

Майор Николаев прибыл Сухиничи через три часа после выезда из Москвы. Шофёр майора гнал машину, нарушая все правила и отчаянно сигналив на перекрёстках. Несколько раз машину останавливала дорожная инспекция, но увидев удостоверение Николаева, сразу пропускала дальше. Приехав в Сухиничи, Николаев первым делом пошел искать генерал-майора Сивцова. Тот принял его в кабинете начальника штаба фронта. Рядом с Сивцовым сидели еще несколько офицеров. Доложив Сивцову о своем прибытии и получив разрешение присутствовать на совещании, Николаев присоединился к ним.

Докладывал командир дивизии войск НКВД, которая охраняла тылы Западного фронта, полковник Первухин.

– После поступления сигнала о пропаже лейтенанта Скавронской, – говорил он. – были подняты по тревоге все подразделения дивизии. Они перекрыли возможные пути отхода немецких диверсантов через линию фронта к своим. Сейчас ведется радиопеленгация района вокруг Сухиничей. Прочёсываются районы, где могут скрываться диверсанты.

Генерал-майор Сивцов спросил:

– С момента похищения прошли почти сутки. Могли ли диверсанты за это время перейти линию фронта?

– Нет, товарищ генерал, это исключено, – ответил полковник Первухин. – Диверсанты могут двигаться только ночью. Днём они вынуждены скрываться. Сухиничи это прифронтовая полоса. Здесь находится много наших войск. До линии фронта около ста километров. За день они могут пройти в лучшем случае километров двадцать – двадцать пять. Я уверен, что группа, захватившая лейтенанта Скавронскую, находится на нашей территории.

– Разрешите, товарищ генерал? – сидевший рядом с Николаевым, щуплый лейтенант в очках поднял руку.

Увидев разрешающий жест Сивцова, он встал со стула и сказал:

– Я лейтенант Горегляд, начальник службы радиоперехвата. Мы установили, что из района Сухиничей постоянно выходит в эфир рация с позывными «джи-эм-восемь». Расшифровать передачи пока не удаётся и запеленговать ее местонахождения тоже, так как время ее работы не превышает минуты. Но вчера ночью, как раз после исчезновения лейтенанта Скавронской, рация работала три минуты, и мы смогли определить место ее выхода в эфир.

– Покажите на карте, – приказал Горегляду Сивцов.

Тот склонился над, лежащей на столе картой, и отметил на ней точку юго-западные Сухиничей.

– Диверсанты, наверняка прорываются на Думичево и Запрудное. Видимо, здесь они хотят перейти линию фронта, – уверенным голосом сказал полковник Первухин.

– Какие действия, товарищ полковник, вы предприняли после получения информации от лейтенанта Горегляда? – спросил Первухина генерал Сивцов.

– В этот район была срочно переброшена наша лучшая разведрота. – ответил Первухин. – Ею командует капитан Иноземцев. По сообщениям, полученным от него, рота прочесала район выхода радиции в эфир и обнаружила следы диверсантов. Сейчас проводится их преследование.

Генерал-майор Сивцов в раздумье прошёлся по кабинету. Затем он подошёл к столу и сказал:

– Товарищи, эта операция проводится под контролем наркома Берии. О ней доложено товарищу Сталину. Поэтому цена каждой нашей ошибки очень высока. В Сухиничи сейчас срочно перебрасывается ещё одна дивизия войск НКВД, чтобы живым щитом закрыть немецким диверсантам путь через линию фронта. Это даст нам время, чтобы их найти. Этим будут заниматься поисковые группы. Район вокруг Сухиничей надо разбить на квадраты и тщательно

их обыскать. Немецкие диверсанты должны быть найдены. Прошу всех приступить к выполнению своих обязанностей!

Сидящие за столом, офицеры стали вставать со стульев и покидать кабинет. Майор Николаев подошёл генералу Сивцову и обратился к нему:

– Товарищ генерал, решите мне отбыть в роту капитана Иноземцева и принять участие в преследовании диверсантов?

Увидев разрешающий жест Сивцова, майор Николаев вышел из кабинета.

Часть вторая. У последней черты

Белоруссия. Урочище Шершуны

С парашютным прыжком Анне не повезло. В ночь её выброски разыгралась непогода. Пилот самолёта решил возвращаться, но Анна, посмотрев на бьющие в иллюминатор снежные хлопья, всё же решила прыгать. Как только она покинула борт самолёта, её закружило так, что она потеряла ориентировку и никак не могла понять, где находится земля, а где небо. Вокруг неё всё тонуло в снежных вихрях. Досчитав до пятидесяти, она дёрнула за кольцо. Над ней с громким хлопком раскрылся купол парашюта и её тут же потянуло куда-то в сторону. Анна изо всех сил натянула стропы парашюта, но ветер был так силен, что сопротивляться ему у неё не было сил. Она отпустила стропы и отдала парашют во власть стихии. Вскоре, в густой снежной пелене она стала различать верхушки сосен. Она приготовилась к приземлению – согнула в коленях ноги и скрестила руки на груди. Но до земли она так и не долетела. Парашют застрял на верхушке сосны, после чего Анна, расстегнув лямки упала в глубокий снег.

Первым делом она огляделась вокруг, пытаясь понять, как далеко её отнесло от запланированного места приземления – большой поляны, окружённой густым высоким ельником. Поляны нигде не было видно. Анна поняла, что оказалась на незнакомой местности и решила до утра ничего не предпринимать. Она укрылась от снега под густыми ветками, растущей чуть поодаль сосны и, вытащив из рюкзака тёплую накидку, закуталась в нее с головой. Под звук, воющего между сосен ветра, она не заметила, как заснула...

Анна проснулась от какого-то шума. Она открыла глаза. Затем, стряхнула с себя снежные комья и осторожно выглянула из своего убежища. Вокруг никого не было. Вдруг недалеко от неё ветки сосен зашевелились и из-за них вышли несколько человек, одетых в полушубки и шапки-ушанки. На одной из шапок Анна увидела красную ленточку. Она облегчено вздохнула и уже собралась выйти им навстречу, но какая-то смутная тревога остановила её. Она много раз бывала в отрядах белорусских партизан. Люди в полушубках и шапках ушанках не были на них похожи. Они громко разговаривали и иногда вынимали из карманов и прикладывали ко рту бутылки с мутноватой жидкостью. Анна внимательно наблюдала за ними, всё более убеждаясь, что эти люди не те, за кого себя выдают. Вдруг, человек в ушанке с красной ленточкой увидел на верхушке сосны парашют Анны. Он подбежал к сосне и затем, вынув из кармана ракетницу, выстрелил из неё в воздух. Над верхушками сосен вспыхнула ярко-красная звезда. Анна насторожилась, в душе проклиная себя за то, что сразу после приземления не сняла с сосны парашют и не закопала его. Вскоре за деревьями послышались новые голоса, и Анна увидела, что к сосне подходят несколько немецких автоматчиков. Человек в ушанке с красной ленточкой вытянулся перед одним из них и отрапортовал. В лесной тишине Анна хорошо слышала его слова.

– Господин роттенфюрер, вот его парашют! Я видел, как парашютиста отнесло в этот район.

– Очень хорошо! – ответил роттенфюрер и похлопал говорившего по плечу.

Затем роттенфюрер приказал автоматчикам снять парашют с сосны. Анна поняла, что ей надо, как можно быстрее, уходить отсюда. Она на четвереньках выползла из-под сосны и, спрятавшись в густых зарослях елового подлеска, что было сил побежала вглубь леса. «Скоро сюда привезут собак и начнут искать мой след...» – на ходу думала она, пробираясь через сосновые заросли. Она остановилась чтобы отдышаться и вытащила из кармана компас. Определив, где находится юг она направилась туда, припомнив, что именно там находится станция Весняки, на которой ей надо было сесть на поезд.

Калужская область. Сухиничи

Майор Николаев нашёл капитаны Иноземцева в деревне Замостье. Она находилась рядом с глубоким оврагом, по дну которого неслись бурный поток талых вод. Возле Иноземцева стояли два проводника с собаками и человек пять бойцов в пятнистых масках. Николаев представился Иноземцеву и сказал, что лейтенант Скавронская служит у него в отделе и, поэтому руководство прислало его, как человека хорошо её знающего. Капитан Иноземцев бросил на Николаева недовольный взгляд и сказал, что он сам в состоянии выполнить приказ генерала Сивцова.

– Не беспокойтесь, товарищ капитан, – заверил его Николаев. – Обузой я вам не буду. Я боевой офицер. Несколько раз был за линией фронта, выполняя задания руководства. И хотя я старше вас по званию, вмешиваться в руководство роты не стану.

– Хорошо, – Иноземцев окинул Николаева оценивающим взглядом и протянул ему крепкую ладонь. – Добро пожаловать, товарищ майор, в мою роту...

Майор Николаев с улыбкой пожал ладонь и попросил:

– Товарищ капитан, видите меня, пожалуйста, в курс дела.

– Пожалуйста, – ответил Иноземцев. О показал рукой на овраг и пояснил. – Мы нашли место выхода в эфир рации с позывными «джи-эм-восемь». Тщательно обыскали этот район. В начале собаки взяли след, но потом начались затопленные места и собаки след потеряли. У меня в роте есть следопыты из сибирских охотников. Они повели роту по цепочке следов. У этого оврага следы обрываются. Я разослал людей, чтобы они обыскали местность вокруг.

– Сколько прошло времени с момента прохода здесь диверсантов? – спросил Николаев, осматривая в бинокль окрестности деревни.

– Часов пять, – ответил Иноземцев. – За это время диверсанты ушли уже довольно далеко. Если мы даже найдем их следы, то сегодня догнать вряд ли успеем.

– Не согласен с вами, товарищ капитан, – возразил Николаев. – Вы, по-моему, вы не учитываете одно важное обстоятельство.

– Какое? – спросил Иноземцев.

– У них находится женщина – лейтенант Скавронская, – ответил майор Николаев. – С ней они не смогут быстро двигаться, но самое главное... – Николаев сделал паузу и со значения посмотрел на Иноземцева. – Как вы сами понимаете, лейтенант Скавронская не горит желанием оказаться за линией фронта.

Капитан Иноземцев задумался, покусывая зубами сорванную травинку.

– Хм... Возможно вы правы, товарищ майор, – наконец, сказал он, бросив на Николаева уважительный взгляд. – Я об этом как-то не подумал.

Майор Николаев улыбнулся.

– Для этого я сюда и приехал, – пояснил он. – Я лучше всех знаю Скавронскую. Она служит у меня в отделе, и я уверен, что она сделает всё, чтобы не попасть в плен к немцам. Для неё, это верная смерть. Причём такая, о которой даже думать страшно. Гестапо постарается вытянуть из неё всё, что она знает. Вы, наверное, знаете какие методы они для этого используют?

Капитан Иноземцев нахмурился.

– Слышал, – удручённо сказал он.

– А мне пришлось не только слышать, но и видеть их работу, – покачивая головой, сказал Николаев. – Зрелище не для слабонервных. Поэтому, я сделаю всё возможное, чтобы лейтенант Скавронская не попал в руки к гестаповским палачам.

– А что она может сделать? – неуверенно спросил Иноземцев. – В её-то положении... С ней никто и разговаривать не будет.

Значит, нам надо сделать так, чтобы с ней стали разговаривать, – сказал с ударением Николаев. – Нам надо загнать немецких диверсантов в такой капкан, чтобы те были вынуждены обратиться к Скавронской за помощью, и мы должны обязательно угадать, то, что она им посоветует.

Белоруссия Урочище Шершуны

До станции Весняки Анна добралась часа через три. По пути она останавливалась и слушала – нет ли за ней погони. Она боялась услышать собачий лай, понимая, что от собак ей уйти не удастся. Собачий лай она так и не услышала, видимо помогли те хитрости, которым она научилась в специальной школе НКВД. Чтобы сбить собак со следа, она старательно запутывала свои следы, резко меняла направление движения и, найдя в лесу уже растаявший ручей, долго шла по его дну, справедливо полагая, что лучше промочить ноги, чем оказаться в руках Гестапо.

Наконец, за стволами деревьев она увидела домики станции. Отдышавшись, она выбрала место в лесу посуше, где не было снега, и, расстелив на нём накидку, стала переодеваться. Через пять минут она сказочно преобразилась, надев на себя модные пальто и платье. На ногах у нее были лакированные боты, а руки облегали чёрные лайковые перчатки. Свои волосы Анна тщательно причесала и надела шляпу с большими полями.

Комбинезон, в котором она была, и летный шлем Анна запихала в рюкзак и зарыла под корнями сосны, тщательно забросав это место ветками и прошлогодней травой. Проверив в кармане пальто документы, она, помахивая дорожной сумкой, направилась по, протоптанной в снегу дорожке, к станции. Теперь ей надо было так сесть на поезд, чтобы не привлечь к себе излишнего внимания пассажиров и служащих станции. Она дождалась, когда поезд, идущий в Минск, остановился. Затем выскочила из туалета, где она пряталась, и, добежав до последнего вагона, вскочила на подножку. Стоящий в двери кондуктор, увидев ее просящие глаза и зажатую в руке крупную денежную купюру, посторонился.

Войдя в вагон, Анна купила у кондуктора билет до Минска и присела на свободное место. Оглядевшись вокруг и не заметив ничего подозрительного, она стала размышлять, что ей делать дальше. Теперь Гестапо знало о её появлении здесь. Это могло серьёзно осложнить выполнение задания. Но больше всего её беспокоил другой вопрос... Получается, если бы вчера ночью не разыгралась метель, то она приземлилась бы прямо в руки Гестапо. От такой мысли по спине Анны пробежал холодок. Она подумала о лейтенанте Сокольникове, который жил в Минске под именем Ивана Михальчука. Он прыгал с парашютом в том же месте, что и она. Как ему удалось ускользнуть от лжепартизан? Ведь в, присланном в Москву сообщении говорилось, что с ним всё в порядке. Анна помнила о предупреждении старшего майора Судоплатова, который говорил, что Сокольников недостаточно надёжен. Поэтому, Анна решила пока не встречаться с лейтенантом Сокольниковым, а понаблюдать за ним и заодно понаблюдать за квартирой Анджея Скавронского, на которой хранилась рация.

Калужская область. Сухиничи

Ночью немецкие диверсанты прятались в березовой роще. Видимо, они не догадывались, что Зося хорошо знает немецкий язык и, поэтому обсуждали при ней свои проблемы. Все решения в группе принимал обер-лейтенант. Подчиненные, иногда называли его по имени – Карл, но чаще по его званию. Его приказы выполнялись беспрекословно. Из еды за весь день Зося получала только пару галет и полбанки мясных консервов и голод мучил её не милосердно. Посмотрев на её усталое осунувшееся лицо, обер-лейтенант отломил ей несколько кубиков шоколада. Съев их, Зося бросила на обер-лейтенанта благодарный взгляд, но прочла на его лице только отвращение и ненависть. Зося поняла, что будь его воля, обер-лейтенант тут же расправился бы с ней. Зося напряжённо искала выход из той ситуации, в которой оказалась. Она прекрасно понимала, что её, наверняка, уже ищут. Это косвенно подтверждалось разговорами диверсантов, которые становились всё тревожнее...

Пока группа находилась в роще, радист два раза выходил в эфир. Его передачи длились по десять-пятнадцать секунд. Видимо, он боялся, что рацию могут запеленговать. Командир группы несколько раз посылал разведчиков обследовать окрестности рощи. Те, через некоторое время возвращались и докладывали ему что-то на ухо. Зося видела, что от этих докладов лицо обер-лейтенанта становилось всё мрачнее. Наконец, ближе к вечеру обер-лейтенант построил диверсантов и сказал, что группа будет разделена на две части. Одна будет отвлекать преследователей, а другая поведёт, захваченного в плен русского офицера, через линию фронта. Говоря это, обер-лейтенант с нескрываемым интересом поглядывал на, сидящую под деревом Скавронскую. Закончив свою речь, он направился к ней. Теперь выражение его лица было более дружелюбным. Присев рядом с Зосей, обер-лейтенант отломил ей ещё несколько плиток шоколада и дал выпить из своей фляжки шнапса. Затем он сказал:

– Фрау лейтенант, вы оказывается очень важная персона! О вас доложили лично адмиралу Канарису и тот пообещал мне погоны «капитана» и Железный крест первой степени, если я доставлю вас в распоряжение наших войск. Я дал ему слово, что сделаю это. Именно поэтому, я решил пожертвовать частью моих солдат. Пока ваш НКВД будет их преследовать, я надеюсь доставить вас господину адмиралу.

После слов обер-лейтенанта Зося, наконец-то, поняла в каком критическом положении она оказалась. Она последними словами ругала себя за то, что не приняла приглашение начальника разведотдела фронта поужинать у него. Зося твёрдо решила, что ни при каких обстоятельствах не должна попасть за линию фронта. «Ни при каких обстоятельствах... – ещё раз про себя повторила она и затем добавила – Даже ценой собственной жизни!»

Белоруссия. Минск

Когда поезд прибыл на минский вокзал, Анна сошла на перрон и, пройдя мимо патрулей в эсэсовской форме, вышла на привокзальную площадь. Она решила первым делом зарегистрироваться в городской комендатуре. У неё были документы на имя Луизы Вернер, журналистки одной из немецких провинциальных газет. Документы были настоящие. Две недели назад журналистка Луиза Вернер была захвачена в плен партизанами недалеко от Смоленска во время налёта на немецкую автоколонну и по просьбе старшего майора Судоплатова на самолёте вывезена в Москву. Дело было в том, что Луиза Вернер и Анна Зегерс были почти ровесницами и внешне походили друг на друга. Их лица было трудно отличить. Отличались они лишь комплекцией и фигурой. Дородная и полная Вернер по всем статьям проигрывала стройной и подтянутой Анне. Но в документах Вернер имелся только снимок её лица и поэтому эти документы можно было использовать для прикрытия. Анна два дня провела в беседах с Луизой, и та подробно рассказал ей свою биографию и то, зачем она приехала неделю назад в Белоруссию.

Наняв извозчика, Анна приказала отвезти ее в комендатуру. Ее принял дежурный офицер. Он проверил ее документы и поставил в пропуске темно-лиловый штамп.

– Господин лейтенант, – обратилась к нему Анна. – Я журналистка газеты «Вперед Германия!» из города Цвиккау в Баварии. Мой редактор, господин Адольф Краус, хочет, чтобы я написала статью о том, как проводится освоение восточных территорий. Доктор Геббельс в своем очередном выступлении говорил, что они должны стать основным источником рабочей силы и полезных ископаемых для великой Германии. Я побывала уже в Киеве и Смоленске. С кем бы я могла встретиться здесь в Минске и взять интервью по интересующему меня вопросу?

Говоря это, Анна сняла шляпу и взмахом головы расправила свои золотистые вьющиеся волосы. С восхищением глядя на нее, лейтенант кому-то позвонил и затем сказал, что ее прямо сейчас готов принять бургомистр города господин Антон Крачковский. Узнав, где находится его кабинет, Анна направилась к Крачковскому. Она долго бродила по длинным, плохо освещенным коридорам. Наконец, ее усилия были вознаграждены, и она оказалась в большом, прекрасно обставленном кабинете, в глубине которого за письменным столом сидел низкорослый, тучный человек с почти лысой головой и темными мешками под глазами. Анна вскинула вверх правую руку и громко крикнула:

– Хайль Гитлер!

Увидев Анну, Крачковский неуклюже встал из-за стола и, вскинув вверх правую руку, ответил:

– Хайль! Проходите уважаемая, фройлян Вернер. Я бургомистр Минска Антон Крачковский. Дежурный офицер комендатуры мне сказал, что вы хотите взять у меня интервью.

Сонные заплывшие жиром глазки Крачковского быстро забежали по лицу и фигуре Анны. Вскоре Анна заметила в них хорошо знакомый ей блеск. Крачковский предложил Анне сесть в кресло, стоящее напротив стола, а сам продолжая стоять, спросил ее:

– Так, о чем же вы, фройлян Вернер, хотели взять у меня интервью?

Анна вытащила из сумочки блокнот и, раскрыв его, ответила:

– Господин Крачковский, я представляю газету «Вперед Германия!» из города Цвиккау. Мой редактор хочет, чтобы я написала статью о том, как осваиваются восточные территории.

Бургомистр Крачковский сел в кресло и, положив руки на стол, стал в задумчивости постукивать кончиками пальцев по его поверхности. Его глазки по-прежнему внимательно изучали лицо и фигуру Анны. Наконец, он разлепил толстые губы и сказал:

– Фройлян Вернер, у меня к вам есть предложение. Сегодня вечером в ресторане «Богемия» состоится небольшой банкет. Я вас на него приглашаю. Там будут лучшие люди нашего

города, включая заместителя гауляйтера доктора Заугеля. Я вас с ними познакомлю, и вы узнаете у них абсолютно все. Это самые информированные люди в рейхе. Банкет начнется ровно в полночь. Если хотите, я пришлю за вами свою машину.

Анна скромно опустила глаза и затем ответила:

– Господин бургомистр, но у меня нет вечернего платья. Я не взяла его в эту командировку.

Крачковский всплеснул руками.

Это такая мелочь! – воскликнул он. – Сейчас вы поедете на моей машине на Вилейскую улицу. Там есть прекрасный магазин, в котором продается одежда и обувь. Выберите себе, что хотите. Оплачивать покупку не надо, это за счет средств бургомистра.

Щеки Анны стали розоветь.

– Господин бургомистр, – сказала она смущенным голосом. – Мне неудобно с первых минут нашего знакомства принимать от вас подарки.

Крачковский решительно замотал головой.

– Фройлян Вернер, – сказал он с возмущением. – Для такой женщины как вы, платье, это не подарок, это ваша военная форма. Ведь журналисты рейха находятся на передовой линии идеологической войны с Советами. От вас всецело зависит крепость духа нашей армии. Будем считать, что эту форму выдал вам я.

Анна улыбнулась уголками губ.

– Хорошо, господин бургомистр, я согласна. – ответила она.

Через полчаса Анна уже ходила среди прилавков магазина на Вилейской улице. Она знала, что здесь находится мастерская Анджея Скавронского. У нее появился удобный случай проверить, все ли с ним в порядке. Анна осмотрела магазин и, наконец, в дальнем конце коридора, около окна увидела вывеску – «Скавронский и Компания. Ремонт и пошив обуви».

К ее удивлению, за стойкой сидел незнакомый ей человек. Анна знала Скавронского по фотографиям, которые хранились в его личном деле. Анна не спеша прошла мимо мастерской и остановилась у киоска, в котором торговали бижутерией. За прилавком стояла ярко накрашенная женщина с большим выпирающим вперед бюстом. Анна попросила показать ей ожерелье из каких-то дешевых камней. Примеряя его на себя, она как-бы невзначай спросила:

– Говорят, тут у вас работал хороший сапожник? Мне рекомендовала его подруга, но я что-то его не вижу. За стойкой сидит другой человек. Где он?

Продавщица приложила палец к губам и показала Анне глазами на человека, который сидел в мастерской.

– Говорите тише, мадам, – посоветовала она. – Не надо, чтобы нас с вами слышал этот человек.

– Почему? – спросила Анна, изобразив на лице испуг и удивление.

– Тут неделю назад было такое! – пояснила ей продавщица. – Не приведи Господь! Сапожник, который в этой мастерской работал, оказался каким-то проходимцем. За ним Гестапо приехало, а он как побежит от них и в окно выпрыгнул. Но они его на улице всё равно поймали и увезли куда-то. С тех пор я его не видела.

– Да, действительно ужас! – согласилась с продавщицей Анна и попросила её. – Вы ему не говорите, что я сапожником интересовалась, а то ещё начнутся неприятности. Я себе другого поищу.

Продавщица согласно кивнула. Купив ожерелье, Анна вышла из магазина и, сев машину бургомистра, попросила отвезти её на Февральскую улицу. В конце улицы она увидела небольшой пансионат. Она попросила остановить машину около него. Анна зашла в пансионат и поинтересовалась у стоявшего за стойкой портье, если свободные номера. Тот проводил её на второй этаж в номер с окнами, выходящими на улицу. Осмотрев его, Анна поняла, что дом номер четыре из него виден, как на ладони. Именно в этом доме, как говорилось в шифровке,

жил Иван Михальчук. Попросив портъё сообщить водителю машины, что она остановилась в этом номере, Анна положила покупки на кровать и, зайдя в ванную комнату, стал раздеваться. До начала банкета оставалось совсем немного времени, а ей надо было привести себя в порядок.

Калужская область. Сухиничи

Всю ночь разведчики капитана Иноземцева шли по следу немецких диверсантов. Иногда след терялся и тогда рота рассыпалась в цепь и прочесывала местность вокруг. Следопыты по количеству следов определили, что диверсантов было двенадцать человек. Тринадцатый не был диверсантом. На земле от него оставались отпечатки сапог, которые носили в Советской Армии. Сапоги имели тридцать седьмой размер. Майор Николаев припомнил, что именно такой размер был у лейтенанта Скавронской. Это однозначно говорило о том, что рота капитана Иноземцева преследует именно ту группу, которая захватила Скавронскую в плен и которая имела радиопозывные «джи-эм-восемь».

Рано утром рота Иноземцева оказалась в берёзовой роще, заросшей пожелтевшим прошлогодним папоротником. Здесь, очевидно, диверсанты дожидались ночи. Трава под деревьями была примята. Кое-где валялись пустые консервные банки и целлофановые обёртки от галет и сала. Но если в рощу ввела только одна цепочка следов, то из рощи их выходили две. По одной цепочке шли пять человек, а по другой восемь. Следы сапог лейтенанта Скавронской вели туда, куда ушли пять человек. Вдруг, разведчик, который обыскивал заросли папоротника, громко крикнул:

– Товарищ капитан, скорее сюда!

Капитана Иноземцев и майор Николаев подбежали к нему. Разведчик показал им рукой, на лежащие на проталине куски мятой испачканной газеты. На одном из кусков были хорошо видны, написанные химическим карандашом, слова – «Группа следует в направлении Запрудная. Скавронская».

Майор Николаев осторожно взял кусок газеты, очистил его от грязи и спрятал в полевую сумку.

– Как видите, товарищ капитан, Скавронская всё же кое-что смогла сделать, – сказал он, обращаясь к капитану Иноземцеву.

– Да... тут она видимо была одна, – подтвердил Иноземцев – За женщиной немцы не стали наблюдать. Вот она весточку и передала. Надо срочно сообщить эту информацию в штаб генерала Сивцова.

Иноземцев подозвал к себе радиста и что-то сказал ему на ухо. Тот поднёс ко рту микрофон. Николаев развернул карту и стал внимательно её изучать.

Значит, диверсанты разделились, – потрогав в задумчивости пальцами подбородок, сказал он. – Четверо повели Скавронскую к линии фронта, а остальные будут нас отвлекать. Не оригинальная тактика...

– Придётся и нам разделится, – принял решение Иноземцев. – Два взвода пойдут за отвлекающей группой. А я с, оставшимся взводом, за группой, которая повела лейтенанта Скавронскую к фронту.

– Правильное решение, – согласился с Иноземцевым Николаев, продолжая изучать карту. Затем он свернул её и сказал:

– У меня тут одна идея появилась. Вы преследуйте диверсантов, а я поеду в штаб к генералу Сивцову. Не исключено, что мы сможем устроить диверсантам западню...

Белоруссия. Минск

Машина бургомистра заехала за Анной за полчаса до начала банкета и ровно в полночь, она вошла в зал ресторана «Богемия». На Анне было чёрное вечернее платье, которое оставляло открытыми её руки и шею. Свои волосы она уложила, как у известной киноактрисы Марлен Дитрих. На отвороте платья у нее был приколот нацистский значок. Косметикой Анна не пользовалась, но ради банкета на её лице синели тени для век, а губы покрывала ярко-красной помада. У входа в зал её встречал бургомистр Крачковский. Он взял её за руку и повёл к столу, за которым уже сидели несколько человек. Остановишь у стола, Крачковский громкого воскликнул:

Вот та богиня, которая сегодня посетила мой кабинет! Это журналистка из Баварии Луиза Вернер.

Сидевшие за столом, повернулись и с интересом уставились на Анну. Та, с таким же интересом стала разглядывать их. Когда её взгляд остановился на подполковники Бауэре, Анна непроизвольно вздрогнула. Она не поверила в такую удачу. Фотографии Бауэра она внимательно изучила в Москве. Кроме него, за столом сидели: ещё один военный в чине полковника, эсэсовский генерал и пожилой мужчина в коричневой униформе нацистского функционера. Крачковский по очереди представил их. Вторым военным оказался полковник Рихард фон Ширак. Эсэсовцем – оберфюрер Отто Лемке. А нацистским функционером – доктор Макс Заугель. После третьего бокала шампанского за столом завязался оживлённый разговор. Анна прекрасно понимала, что малейшая ошибка в нём будет иметь для неё роковые последствия и поэтому тщательно обдумывала каждое свое слово.

– Фрау Вернер, вы недавно приехали из рейха. Расскажите нам, что там нового? Мы ничего не знаем в этой глуши, – попросил Анну полковник фон Ширак.

Анна бодрым голосом доложила ему, те материалы, с которыми она ознакомилась перед поездкой в Минск. Её доклад был насыщен множеством цифр и патриотических высказываний. Иногда, она цитировала фюрера рейха, придавая своему голосу почтение и восторг. В конце своей речи она встала со стула и, подняв вверх правую руку, громко воскликнула:

– Хайль Гитлер!

Бургомистр Крачковский, не сдержавшись захлопал ей в ладони, и вместе с ней стоя прокричал: «Хайль!» Другие участники банкета его не поддержали. Полковник фон Ширак, видимо хотел услышать от Анны что-то другое, и, поэтому молча ковырял вилкой в тарелке. Доктор Заугель во время её речи стал клевать носом. А оберфюрер Лемке не спускал с лица Анны прищуренных глаз. Самой интересной для Анны была реакция подполковника Бауэра. Если вначале он с большим интересом её слушал, то потом его взгляд стал холодным и отчуждённым. Анна поняла, что подполковник не является сторонником нацизма и это было очень важно, так как вербовать человека только с помощью компрометирующих его материалов рискованно. Жизнь течёт очень быстро и грехи человека могут со временем терять свою актуальность. У агента надо постараться найти то, что может сблизить его с теми людьми, на которых он работает. Часто, это связывает их крепче любого компромата. Анна прекрасно об этом знала и её речь в ресторане была в первую очередь адресована подполковнику Бауэру.

Когда банкет подходил к концу Анна, сославшись на обещание Крачковского, попросила каждого из присутствующих об аудиенции. Якобы это поможет ей написать, заказанную редактором статью. Бургомистр Крачковский и доктор Заугель с радостью согласились. Полковник фон Ширак ответил отказом, заявив, что это не в его компетенции. Таким же отказом вначале ответил и подполковник Бауэр, но после слов Анны, что она ещё никогда в жизни не встречала такого мужественного и красивого офицера, усмехнулся и дал ей свой телефон. Оберфюрер Лемке, вытирая салфеткой рот, поинтересовался, где она остановилась. После ответа Анны,

он некоторое время размышлял и затем сказал, что сможет уделить ей десять минут. Когда произойдёт эта встреча, он пока не знает, но как только они смогут встретиться, с Анной свяжутся. Выходя из ресторана, Анна с тревогой думала о словах Лемке. Она знала, кто он такой. При подготовке к операции, ей показали фотографии руководителей Гестапо Минска. В словах Лемке она почувствовала какую-то скрытую угрозу, но, чтобы выполнить порученное ей задание, этот поединок с ним она должна была обязательно выиграть.

Калужская область. Сухиничи

Группа диверсантов, которая вела Зосю Скавронскую к линии фронта состояла из четырёх человек. Это были: обер-лейтенант, два автоматчика и радист. Зосе связали верёвкой руки и теперь идти ей было намного тяжелее. Она попросила обер-лейтенанта её развязать, но тот в ответ разразился отборный руганью и Зося, опасаясь за свою жизнь, больше его ни о чём не просила. Диверсанты теперь двигались не только ночью, но и днём. Видимо у них стал заканчиваться запас продовольствия. Обер-лейтенант вел группу строго на юг. Так было ближе всего до линии фронта. Внезапно дорогу им перегородила длинная полоса вскопанной, ещё мёрзлой земли, вдоль которой стояли таблички – «Осторожно мины!»

Обер-лейтенант зло выругался и, вытащив из ранца карту, стал её изучать. Зося поняла, что в их группе не было сапёров и мины некому было разминировать. Она чуть слышно вздохнула. Это неожиданное препятствие отодвигало её смерть. Зося твёрдо решила покончить жизнь самоубийством, если её не смогут освободить. Теперь она могла это сделать. В кармане её шинели лежала граната-«лимонка». Её она смогла раздобыть в берёзовой роще, где диверсанты вчера отдыхали. Это была её вторая удача. Первой, она считала, оставленные в кустах, куда она отпросилась у обер-лейтенанта сходить, смятые клочки газеты, на которых она написала свою фамилию и направление, куда должна была двигаться группа обер-лейтенанта. Наверняка, по следам диверсантов идёт преследование, решила Зося и обрывки газеты будут обнаружены. Гранату она осторожно вытащила из сумки, которая лежала рядом с ней. Её охранник на несколько секунд отвлекся и Зося, сунув руку в сумку, обнаружила в ней гранату и смогла незаметно положить её себе в карман. Чеку из неё она смогла бы выдернуть и со связанными руками.

Обер-лейтенант закончил изучать карту, но вместо того, чтобы указать группе новое направление движения подошёл к Зосе и вытащил из кобуры пистолет. Зося напряглась, не спуская глаз с, зажатого в руке обер-лейтенанта, пистолета.

– Фрау лейтенант, к сожалению, у меня нет другого выхода... – сказал обер-лейтенант резким голосом. – Я вынужден вас убить. Мне не хочется это делать, так как я лишаюсь погон капитана и Железного креста первой степени, но ваш НКВД не оставляет мне выбора.

По спине Зоси пробежал холодок страха.

– П-почему? – спросила она, дрогнувших голосом.

– Мы не можем провести вас через линию фронта, – пояснил обер-лейтенант. – Все дороги наглухо перекрыты вашими сослуживцами по НКВД. Я хотел вызвать самолёт, чтобы он меня и вас вывез за линию фронта, но здесь ему негде сесть, – обер-лейтенант показал рукой на, растущие вокруг деревья. – Без вас мы сможем отсюда выбраться. Вы слишком медленно идёте, фрау лейтенант.

– Подождите! – воскликнула Зося, видя, как дуло пистолета нацеливается ей в лицо. – Уточните, где мы находимся?

Обер-лейтенант достал из полевой сумки карту и ткнул в неё пальцем.

– Здесь, – сказал он.

Зося посмотрела в карту и вдруг какая-то догадка озарила её лицо.

– Вам ещё рано меня убивать, господин обер-лейтенант, – уверенно сказала она. – Недалеко от нас есть взлётная полоса. Я уверена, что на ней сможет приземлиться небольшой самолёт.

Обер-лейтенант заглянул в карту и затем удивленно спросил:

– Но на карте ничего нет?

– Эта полоса использовалась партизанами во время вашей оккупации. Поэтому, на карту она не нанесена, – ответила Зося. – Впрочем если вы мне не верите... – Зося сделала долгую паузу и тяжело вздохнула.

Обер-лейтенант долго испытующе смотрел Зосе в лицо и затем с угрюмым выражением лица сказал:

– Ведите нас, фрау-лейтенант. Но учтите, если взлётной полосы там не окажется... – обер-лейтенант взвёл курок пистолета – Вы тут же распрощаетесь жизнью.

Белоруссия. Минск

Придя утром на работу, оберфюрер Лемке, вызвал к себе дежурного офицера. Спустя минуту в его кабинет вошёл эсэсовец и доложил:

– Господин оберфюрер, штурмфюрер Фогель по вашему вызову прибыл!

Вот, что штурмфюрер, – обратился к нему Лемке. – Срочно соберите данные о, приехавшей сегодня в Минск журналистке Луизе Вернер. Она работает в Цвикау в газете «Вперёд Германия!». Сделайте запрос в эту газету. Пусть пришлют ее фотографию. Узнайте, какой у неё размер обуви и одежды. Если есть отпечатки пальцев, то пусть их тоже пришлют. В крайнем случае те предметы, к которым она прикасалась. Через пять дней я должен знать об этой женщине все. Выполняйте!

Штурмфюрер вытянулся и, вскинув руку в нацистском приветствии, ответил:

– Слушаюсь, господин оберфюрер!

Белоруссия. Минск

Через два дня после банкета в ресторане «Богемия», Анна после долгих размышлений решила встретиться с тем человеком, о котором ей говорил старший майор Судоплатов. Его телефон она помнила наизусть. Набрав номер, она услышала голос молодой женщины.

– Особняк гауляйтера Кубе, вас слушают!

– Позовите, пожалуйста, Олесю Кебич! – попросила Анна.

Это я... – ответили в трубке.

Анна прижала трубку плотнее к уху и сказала:

– Я хотела бы передать вам посылку от вашей родственницы из Белостока. Где мы можем встретиться?

Трубка на мгновение замолчал, затем женщина на том конце провода спросила:

– Вы имеете в виду мой племянницу Розу?

– Да, именно её я имею в виду, – быстро ответила Анна.

Трубка снова замолчала, затем женщина сказала.

– Давайте встретимся через час у ресторана «Богемия».

– Хорошо, – ответила Анна.

Через час Анна прогуливалась у входа в ресторан «Богемия». В конце улицы она увидела Олесю Кебич. Анна сразу узнала её по фотографиям. Олеся шла, изредка оглядываясь по сторонам, словно ища кого-то. Анна сразу поняла, что с ней не все ладно. Лицо девушки было бледным и расстроенным. Под глазами виднелись большие тёмные круги. Анна пошла ей навстречу и, остановив, сказала:

Это, я вам звонила. Здесь недалеко есть сквер. Пойдёмте туда.

Олеся в знак согласия кивнула головой. Они зашли в сквер и присели на скамейку.

– Вы по Анджею так переживаете? – тихо спросила Олесю Анна.

Та кивнула головой и вдруг, закрыв лицо ладонями, заплакала. Анна растеряно стала ее успокаивать.

– Ну – ну... Успокойтесь, пожалуйста, – говорила она, глядя Олесю по руке. – Возьмите себя в руки.

Олеся вытащила из сумочки платок и вытерла им свои глаза.

– Вы не представляете, что они с ним сделали, – сказала она, всхлипывая. – Мне оберфюрер Лемке устроил с ним очную ставку, и я Анджея вынуждена была по щеке ударить. Никогда себе этого не прощу...

Анна долго молчала, глядя на плачущую Олесю. Когда та, наконец, перестала всхлипывать, она спросила её:

– Как Гестапо вышло на него?

Олеся пожала плечами.

– Понятия не имею, – ответила она, затем на секунду задумалась и добавила. – Когда я шла к Лемке, то на лестнице в Гестапо видела какого-то человека в пальто и кепке. Рядом с ним шла переводчица. Они на меня внимания не обратили. Я слышала, что этот человек говорил. Он хвастался тем, как он сапожника вокруг пальца ловко обвёл. Может быть, он об Анджея говорил?

– Опишите-ка мне его... – попросила Анна Олесю.

Та склонила голову набок и сказала:

– Ну, среднего роста... лет тридцать... чёрные прилизанные волосы...

– А лицо у него похоже на морду борзой собаки? – прервала Олесю Анна.

Та удивлена взглянул на нее.

– Вы его знаете? – спросила она.

Посмотрев на ручные часы, Анна спросила:

– У тебя есть ещё время?

Олеся кивнула головой.

– Есть, – ответила она. – Мажордом меня до вечера отпустил.

– Тогда поехали, – решительно сказала Анна.

– Куда? – спросил Олеся.

– Сейчас узнаешь... – ответила Анна.

Калужская область. Сухиничи

Взлётная полоса действительно существовала. Зося вывела немецких диверсантов прямо к ней. В густом ельнике была вырублена узкая прогалина метров пятьдесят шириной и двести метров длиной. Обер-лейтенант издал радостный крик и приказал радисту передать их координаты. Спустя полчаса над полосой появился маленький, как стрекоза самолёт с чёрными крестами на крыльях. Он, отчаянно треща мотором, приземлился и подрулил к, стоящим в конце полосы, немецким диверсантам. Обер-лейтенант взял Зосю за руку и повел к самолёту...

Вдруг трава у него под ногами зашевелилась и несколько человек в пятнистых масках кинулись на него. Через несколько секунд обер-лейтенант лежал на земле со связанными за спиной руками. Рядом с ним лежали другие диверсанты, а одетые в маскировочные халаты бойцы вытаскивали из самолёта летчика. Зося увидела, как из-за деревьев на полосу вышли несколько офицеров в советской военной форме. Узнав в одном из них майора Николаева, Зося без сил опустилась на траву и заплакала.

Белоруссия. Минск

Лейтенант Сокольников налил в стакан водки и, поднеся его ко рту, залпом выпил. Перед ним на столе стояли четыре пустые водочные бутылки, тарелки с капустой и солёными огурцами. Он зачерпнул пальцами пригоршню капусты и отправил ее себе в рот. В квартире на Февральской улице он жил один. Сотрудники Гестапо жили в соседних квартирах. Если бы к Сокольникову пришёл связной, то он должен был сразу сообщить им о его появлении. Дальше сотрудники Гестапо действовали бы по обстановке. Или вели за связным наблюдением, или арестовали его.

От одиночества и от постоянного нервного напряжения Сокольников запил. Он и раньше, когда служил адъютантом у заместителя наркома Кобулова, позволял себе принять лишнее, но сейчас эта страсть разыгралась в нём с новой силой. Оберфюрер Лемке уже несколько раз предупреждал его о том, что его ждёт, если он не прекратит пить. Но Сокольников уже не мог остановиться. Взглянув на пустые бутылки, Сокольников поднялся из-за стола и, надев на голову кепку, вышел из квартиры. Он спустился на первый этаж и, выйдя из дома, нетвёрдой походкой направился на базар. Тот находился недалеко в пяти минутах ходьбы.

Сокольников завернул за угол и вдруг увидел перед собой двух женщин. Присмотревшись, он узнал одну из них. Её он встретил в Гестапо, когда с переводчицей выходил из кабинета оберфюрера Лемке. Женщины с презрением и ненавистью смотрели на него. Вдруг одна из них вытащила из сумочки пистолет, с привинченным к стволу глушителем, и приставила его к его груди.

Это, тебе за Анджея Скавронского, иуда! – тихим голосом сказала она.

Прозвучали два выстрела. Лейтенант Сокольников с разинутым ртом и выпученными глазами упал на мостовую.

Белоруссия. Минск

Прощавшись с Олесей Кебич, Анна вернулась в пансионат, в котором она снимала комнату. Заперлась в ней и стала думать, что ей делать дальше. Она прекрасно понимала, что теперь после того, как она застрелила лейтенанта Сокольников, ей надо было, как можно быстрее уезжать из Минска. Гестапо начнет разыскивать убийцу Сокольников и может напасть на её след. Поэтому, откладывая встречу с подполковником Бауэром она больше не могла. Найдя в записной книжке номер его телефона Анна позвонила Бауэру и договорилась с ним встретиться у городского парка через два часа. Когда она добралась до парка, то машина, в которой приехал подполковник уже ждала её. Бауэр предложил Анне покататься по городу и заодно согласился ответить на ее вопросы. Когда машина тронулась, Анна вытащила из сумочки блокнот и авторучку, но затем передумала и спрятала их обратно. Увидев это, Бауэр спросил:

– Вы, фройляйн Вернер, не станете брать у меня интервью?

Анна бросила на Бауэра долгий взгляд и, чуть помедлив, ответила:

– Господин подполковник, я захотела с вами встретиться не для этого...

– А для чего? – спросил её Бауэр.

Анна, не сводя глаз с лица Бауэра, сказала:

– Господин подполковник, я не журналистка. Я работаю в НКВД...

К удивлению Анны, лицо Бауэра осталось совершенно спокойным. Он остановил машину на какой-то безлюдной улице и, повернувшись к ней, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.